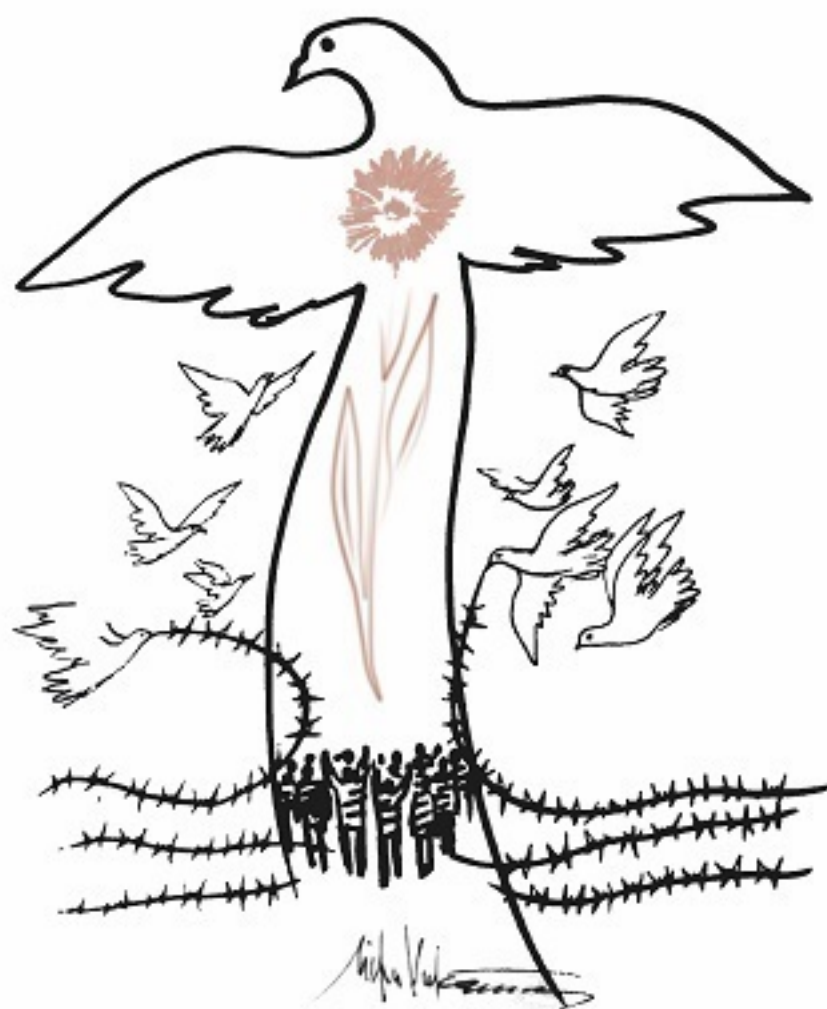

Борис Александрович АБРАМОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЛЕНЕ

Борис Абрамов

Воспоминания о плене

«Логос»

2020

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Абрамов Б. А.

Воспоминания о плене / Б. А. Абрамов — «Логос», 2020

ISBN 978-5-907258-52-5

Воспоминания о времени, проведенном в плену, небольшая повесть «Оля» и несколько коротких рассказов из жизни военнопленных. Автор сам прошел этот путь с 22 июня 1941 года по 5 мая 1945 года.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907258-52-5

© Абрамов Б. А., 2020
© Логос, 2020

Содержание

Воспоминания о плене	6
22 июня 1941 года	6
Кобрин госпиталь	12
Школа	15
Дорога	20
Брест	22
5-й корпус	27
Павел Рябов	30
23 февраля 1942 года	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Борис Александрович Абрамов

Воспоминания о плене. Сборник прозы

© Абрамов Б. А., 2020

© Научно-издательский центр «Логос», 2020

Воспоминания о плене СССР – Польша – Австрия (22.06.1941-22.05.1945)

22 июня 1941 года

Тихий июньский вечер. С берега Буга доносится то тихо, то вдруг громче плеск воды. В листве заливаются соловьи, словно соревнуются друг с другом в искусстве.

Во всем чувствуется довольство жизнью и спокойствие!

Только часовые ходят мерным шагом, зорко всматриваясь в сгущающуюся темноту ночи. Постепенно все птицы смолкли, стих даже плеск Буга. В воздухе нависла какая-то тяжелая и давящая тишина. Казалось, она пришла вместе с предрассветной сыростью и туманом.

Люди спят безмятежным сном, не чувствуя надвигающейся смерти.

А она, жадная и сильная, вдруг, неожиданно всей своей мощью ворвалась в жизнь людей, неся с собой страдания и стоны, горе и нищету.

Четыре часа утра. На востоке начинает слегка сереть. И в этот момент смерть, ревя во всю свою раскрытую пасть тысяч орудий и сверкая сотнями тысяч пожаров и разрывов, наложила свои цепкие лапы на город Брест-Литовск. В одно мгновение всё покрылось морем огня, все звуки сплывились в один мощный рев (орудий и разрывов снарядов и бомб).

Начавшийся было день, словно испугавшись, спрятался обратно в ночь дыма и взлетающей вверх земли. Эту ночь прорезывали только маленькие летающие дьяволы – трассирующие пули.

Красноармеец, бывший подчаском, оторопело вскакивает. В первый момент он не может понять, что произошло. В его ушах стоит непрерывный гул...

Красноармеец увидел, как открылись Северные ворота крепости и оттуда повалили беспорядочные толпы. Люди металась в панике и страхе, не каждый мог сразу дать себе отчет в том, что произошло.

Среди бегущей в панике толпы были видны отдельные командиры, старавшиеся приостановить панику, остановить, организовать людей.

Но в первую минуту, когда люди еще не пришли в себя от неожиданности, это невозможно, ибо каждый думает только о себе, о том, как бы спасти свою жизнь, забывая о других. Многие из командиров сами бегут в панике с общей массой.

Красноармеец замечает двоих молодых, с иголочки одетых лейтенантов. «Очевидно, из недавно приехавших выпускников», – мелькает у него мысль. В руках у каждого по огромному чемодану, которые они с трудом тащат, лица их бледны как полотно. (Эти двое выбегают в числе последних из крепости.) Красноармеец решает следовать вместе с этой группой вышедших. Он пробует бежать, догнать их, но штаны неожиданно спадают, путаются в ногах, и он падает, но сейчас же поднимается, с трудом придерживая левой рукой, в которой ощущает палящую боль, штаны, догоняет нескольких отставших красноармейцев и просит помочь ему подвязать раненую руку и штаны, но те молча, словно не понимая, с белыми, как бумага, полуискошенными лицами продолжают бежать дальше, не обращая на него ни малейшего внимания.

Вдруг его кто-то испуганно окликает: «Б., это ты? Где это тебя так отделало?» Красноармеец узнаёт сержанта Федотова, командира 5 Т.К. штабной батареи, полулежачего за кустом.

Б. шепчет пересохшими губами: «Завалило в караулке, еле выбрался, помоги подтянуть штаны и подвязать раненую руку, а то я больше не могу». Федотов, не говоря ни слова, под

свист немецких пуль, становится на колени, снимает нательную рубашку и, обследовав раненую руку Б., делает временную повязку, затем снимает поясной и брючный ремни, кладет руку Б. на перевязь и подтягивает ему брюки. Всё это он делает со спокойным лицом, на котором написано сознание того, что он должен оказать помощь раненому товарищу. Федотов делает всё спокойно, быстро и уверенно, в то время как другие бегут в панике мимо с белыми, перекошенными от страха лицами. «Да-а, – добавляет он, закончив работу, – и отделало же тебя, вся спина, как уголь. Надо прямо в госпиталь». Б. с благодарностью посмотрел на него. Слова в такие моменты пусты и не нужны. Среди грохота разрывов и свиста пуль до Б. и Федотова временами доносится твердый, властный и спокойный голос. Б. поворачивает голову в ту сторону, откуда доносится голос, и видит небольшого человека с простым, но энергичным лицом, с уверенными и спокойными движениями. У него знаки различия старшего лейтенанта. Вокруг него небольшая группа младших командиров и бойцов. Они пытаются остановить бегущих людей. Б., взглядевшись пристальнее, узнаёт в старшем лейтенанте одного из командиров 333-го стрелкового полка. Группа бойцов вокруг старшего лейтенанта всё растёт и растёт. Появляются всё новые и новые пулеметы и автоматы.

И когда артиллерийская канонада немного стихает и от Буга показываются первые цепочки немецкой пехоты, старший лейтенант, засев со своей группой в небольшом недостроенном кирпичном домике, стоящем на краю деревни, открывает огонь из ручных и станковых пулеметов, на время задерживает движение немцев.

Снова вступает в бой артиллерия, снаряды ложатся близко от домика, и маленькая группа вынуждена покинуть свое место и отходить дальше.

Бегущие видят спокойствие и уверенность этих людей, видят этого, небольшого, на первый взгляд, незаметного, человека. Но они слышат его уверенный, твердый голос, прорывающийся сквозь грохот канонады и отдающий приказы. Они тоже успокаиваются и присоединяются к этой группе, растущей теперь на каждом шагу.

Старший лейтенант отводит свою группу, время от времени останавливаясь и поливая движущуюся немецкую пехоту пулеметными очередями. Б. и Федотов передвигаются впереди отходящей группы старшего лейтенанта. Так они доходят до домов, расположенных у Северного городка. Старший лейтенант приказывает разместиться по дворам и занять оборону. Все моментально исчезают. Б. и Федотов продолжают свой путь к Северному городку. С этого момента старшего лейтенанта они больше не видели.

Северный городок пылал. Со всех сторон огромные языки пламени и столбы дыма взвивались ввысь. Особенно сильно бушевало пламя там, где раньше находился автопарк. Иногда сквозь клубы дыма и огня проглядывала белая шапка водонапорной башни, а всё находящееся внизу было скрыто во мраке гари и дыма.

Федотов и Б. свернули на шоссе, идущее на север, и пошли в направлении Чернавцов. Идти на Брест-Литовск не было уже никакого смысла.

Прошли по шоссе сотни две метров. Б. начал уже качаться и терять сознание.

– Федотов, оставь меня здесь, я лягу отдохнуть, а ты иди дальше.

– Нет, нельзя, идем вместе, – твердо сказал Федотов и подхватил качавшегося товарища под руку.

Сзади раздался приближающийся шум мотора. Они оглянулись. На их счастье, из-за поворота от Брест-Литовска шла порожняя грузовая машина. Б. вышел на середину дороги и поднял левую руку – правая уже совсем не действовала.

Но вот в воздухе стал нависать какой-то зловещий воющий рокот, он приближался и нарастал: показались немецкие самолеты и стали поливать бегущих по шоссе пулеметным огнем. Шоссе моментально опустело: все исчезли среди молодых колосьев ржи.

Шофер быстро свернул с дороги и поставил машину под развесистое дерево. Вдвоем с Федотовым они вытащили Б. из кабины и положили в рожь. Федотов хотел посмотреть раненую

руку товарища; рукав набух от крови, и он решил не беречь ее зря. Б. почти сейчас же потерял сознание. Он пришел в себя от того, что Федотов и шофер теребили его.

– Вставай, там стоит санперевозка, она доставит тебя в госпиталь.

Полуведя, полунеся, они положили Б. в повозку.

– Прощай, Б., может быть, больше не увидимся, – с дрожью в голосе сказал Федотов.

– Прощай, – прошептал Б. и крепко левой рукой пожал руку товарища. В это рукопожатие он старался влить все свои чувства.

Ездовой тронул, и повозка понеслась. Б. видел еще несколько мгновений одинокую фигуру Федотова, стоявшего опершись на винтовку посреди шоссе и смотревшего ему вслед.

В повозке, кроме него, было еще двое: один старший лейтенант с шестью пулевыми ранениями в груди и животе. Он лежал без сознания и только тихо стонал при каждом толчке; другой – сержант-узбек. У сержанта была зияющая рана на голове – затылочная кость была сорвана и оттуда розовой массой виднелись мозги. Он сидел по-турецки и ритмично раскачивался, не издавая ни звука. Вид его раны заставил Б. забыть на мгновение и палящую боль ожога, и нытье сломанной руки, и еще не прекращающиеся судороги в обеих ногах. Повозка мчалась, обгоняя беспорядочно идущих и бегущих людей.

Некоторые из бегущих пытались схватиться за повозку и вскочить в нее, но, пристыженные окриками товарищей, отставали и сливались снова с общей массой.

Перед глазами Б. мелькали разные люди, разные лица: одни бежали в панике, дрожа и боязливо оглядываясь, другие шли молча со строгими решительными лицами, третьи пытались остановить бегущих, как-нибудь их организовать и подчинить военной дисциплине. Но вначале это удается очень редко.

Особенно ярко в памяти Б. запечатлелся образ молодой красивой женщины, которая, ведя за руку четырех-пятилетнего мальчика, спокойно шла вперед. За плечами у нее висела винтовка. Лицо ее выражало полное спокойствие и решимость. На фоне общей паники она казалась еще прекрасней. Она могла служить примером для многих. Мальчик удивленно и испуганно оглядывался по сторонам, но, видя спокойствие матери, не плакал и старался идти с ней в ногу. Как развивалась судьба этой женщины – неизвестно. Возможно, ей удалось пробраться глубже в тыл, возможно, она погибла от немецких пуль и снарядов, возможно, стала одной из многих героинь партизанского движения в тылу у немцев или героинь РККА...

По обеим сторонам дороги встают первые ужасные картины начавшейся войны: по бокам дороги лежат раненые с побледневшими, искаженными от боли лицами, горят дома и целые сёла. Кругом царит смерть и разрушение.

Но вот всё чаще и чаще слышатся громкие, уверенные голоса, отдающие приказы. Во всем этом хаосе неожиданности начинает проступать строгое лицо сознательной дисциплины. Масса бегущих постепенно замедляет свой бег, останавливается и, подчинившись единой воле, единому разуму, включается в работу общего механизма.

Бегущих уже почти нет. Теперь по дорогам движутся уже организованные группы войск. Одни из них начинают занимать оборону, другие продолжают еще движение дальше в тыл. Но это уже сознательное, согласованное движение.

Повозка продолжает мчаться в направлении на Чернавцы. В Чернавцах небольшая остановка: оставшиеся в селе жители выносят раненым немного молока, утолить жажду. У них на глазах слёзы, они сочувственно кивают головами.

Повозка выезжает за Чернавцы. Вдруг слева, с западной стороны дороги раздаются несколько автоматных очередей. Над повозкой словно пронесется рой ос. Левая упряжная подскакивает, на крупе у нее появляется струйка крови, брезент выглядит как решето.

Ездовой делает разворот на сто восемьдесят градусов, и повозка мчится обратно. Справа от дороги показалась немецкая пехота. Немцы идут во весь рост с расстегнутыми воротниками, засученными рукавами и автоматами наперевес.

Повозка стрелой пролетает через уже совсем опустевшие Чернавцы. На другой стороне Чернавцов навстречу попадаетея грузовик с ранеными. Ездовой останавливает его.

– Дальше нельзя: там немцы! Поворачивай обратно и забирай моих. Повозку бросим, – говорит он шоферу.

Раздумывать не приходится, и грузовик уже мчится обратно на Брест-Литовск. Повозку и лошадей бросают. Места на машине мало: стоят бочки с бензином и станковый пулемет. Между бочками расположились раненые. Кто лежит, кто полулежит, опершись на бочку. Б. устроился в запасном скате, но даже и тут при каждом толчке спина горит, словно в огне. Ездовой сел к пулемету.

У поворота на Жабинку машину задерживают: проезд на Брест-Литовск закрыт. Станковый пулемет снимают, и ездовой остается при нем. Во время этой минутной остановки Б. успевает заметить одного майора (подполковника), распорядившегося всем, и в одном из помогающих ему командиров он узнаёт начальника связи своего полка лейтенанта Шестакова. Грузовик направляют на Жабинку: там есть госпиталь. Возможно, там примут раненых.

Шофер делает крутой поворот, задние колёса сползают в канаву. Кажется, что машина неминуемо должна перевернуться. Бочки сползают с места. Раненые стонут от боли. Но грузовик благополучно выбирается на дорогу. Теперь они вынуждены сбавить скорость, так как грузовик движется среди отступающих людских колонн, повозок и автомашин.

Всё это часто сбивается и образует пробку. Особенно, когда налетают немецкие штурмовики. По ним почти никто не стреляет.

По обеим сторонам дороги стоят горящие деревни, бегут плачущие женщины, дети и старики, несут с собой остатки своего имущества, стараясь укрыться в глубоких лесах. Они не хотят попадать к немцам. На их лицах написан испуг перед неизвестностью будущего.

Наконец грузовику с ранеными удается выбраться из общей сутолоки. Шофер снова прибавляет скорость.

На дороге перед грузовиком вырастает какая-то маленькая стройная фигурка в военной форме. Шофер вынужден остановиться. На подножку вскакивает молоденькая девушка, военфельдшер 1-го ранга. Она со слезами на глазах просит забрать хотя бы самых тяжелых из ее раненых, так как ее машина разбита.

Б. поднимает голову и замечает невдалеке от дороги под деревом лежащих раненых. Их около пятнадцати. Немного вперед по дороге в канаве на одном боку лежит разбитый грузовик. Девушка с ранеными одна.

По лицу нашего шофера видно, что ему невыносимо тяжело произнести: «Нет, не могу, товарищ военфельдшер, мест больше нет».

Девушка на секунду опускает голову, стараясь скрыть слёзы. Потом твердо идет к своим раненым.

Шофер снова дает газ. Б. с болью в сердце смотрит на оставленных на произвол судьбы людей. Он старается заглушить эту боль, уверяя себя, что это не так уж страшно, что наши задержат немцев, а там через несколько дней выгонят вообще с нашей территории. А там пройдет, возможно, еще несколько недель, может быть, несколько месяцев, и фашисты будут разбиты и поставлены на колени. Но это только слова, а словами такую боль не заглушить. Несмотря на все самоуверения, у него остается на душе неприятный осадок.

Жабинка. Улицы пусты, кое-где еще вздымается легкий дымок от пожарищ, но здесь уже тихо, не слышно ни канонады, ни свиста пуль, ни крика людей.

Несколько сот метров по улицам Жабинки. Вот и госпиталь... Двор заполнен всевозможными машинами и повозками с ранеными. Между ними, суетясь, бегают санитары, фельдшера и врачи. Один из пробегающих мимо врачей бросает шоферу: «У нас полно, мест больше нет. Поезжайте на Кобрин. Там вас примут».

В голове у Б. мелькают различные мысли и образы. Вспоминаются родители, друзья, товарищи, школа, встает в памяти картина первой минуты, когда началась война.

Вдруг ярче всего вспыхивает образ любимой, и думается ему: где-то теперь она, увижу ли ее еще. Но это только на миг. Мысль, что родина в опасности и сожаление о том, что он с первой же минуты по воле капризного случая исключен из рядов ее защитников, затемняет всё.

В такую минуту хочется вскочить, на полном ходу выскочить из машины, побежать обратно, подобрать по дороге какое-нибудь оружие и, влившись в общие ряды, бить, бить немцев без пощады и сожаления за то, что они посмели затронуть самое дорогое, самое близкое – Родину, за то, что они посмели своими грязными лапами смять и разрушить самое прекрасное в жизни людей.

Но, сделав попытку приподняться, он со стоном падает и впадает в полубеспамятство. В душах соседей происходит, очевидно, такая же смена мыслей. Многие с решительными лицами пытаются приподняться, но снова со стоном падают обратно.

Б. временами трясет лихорадка. Ему холодно, так как всё обмундирование на нем еще не просохло. Кто-то из легкораненых бросает ему какую-то куртку. Укрывшись, он немного согревается. К тому же солнце начинает уже слегка пригревать.

В воздухе начинает нарастать знакомый уже гул немецких самолетов, и из-за леса вырываются пять немецких штурмовиков. Шофер быстро сворачивает в сторону от дороги и ставит машину в тени деревьев. С противоположной стороны, от Кобрин, доносится новый, также хорошо знакомый рокот. Б. думает: «Это наши! Сейчас встретятся. Каков будет исход?»

Еще несколько секунд, и едущие в грузовике становятся свидетелями первого в их жизни воздушного боя.

Рев самолетов смешался с треском пулеметов. Из грузовика следим с замиранием сердца за происходящим в воздухе. Один за другим падают два наших самолета. Сердца зрителей замирают, руки сжимаются в кулаки. Но вот следует вздох облегчения: это летит вниз один немецкий самолет и уже загорелся второй. Снова один за другим падают два наших самолета. На земле многие зажмуривают глаза: им тяжело видеть гибель своих. Три оставшихся истребителя, расстреляв, очевидно, все боеприпасы, вынуждены уходить. Печально смотрят им вслед раненые с грузовика.

Немецкие самолеты делают еще круг над местом боя, ложатся на обратный курс и исчезают за лесом. Наступает глубокая тишина, словно за несколько секунд до этого тут ничего и не происходило. Только в полукилометре от дороги дымятся еще останки какого-то самолета.

Шофер выводит осторожно грузовик опять на дорогу и, набирая скорость, мчится к Кобрину. Один за другим мелькают километровые столбики. В кузове не слышно даже стонов тяжелораненых, все удручены и подавлены только что виденным. Некоторые после сильного нервного потрясения впали в полубеспамятство, другие дремлют, закрывши глаза.

Уже недалеко Кобрин.

Воздух снова наполнен ревом и воем. Высоко в голубом небе, делая головоломные фигуры, кружатся четыре самолета. Раненые в грузовике с тревогой открывают глаза и поднимают головы. Вглядываются внимательнее и видят одного И-16, отважно борющегося с тремя мессершмидтами. Раненые с напряжением впиваются взглядом ввысь, руки их судорожно вцепляются в соседние предметы. У всех захватывает дыхание.

И-16 идет прямо в лоб на одного мессершмидта. Еще несколько коротких мгновений, и они столкнутся...

В грузовике напряжение возрастает до последних пределов: некоторые даже приподнимаются и неподвижно, не дыша смотрят вверх, где должна произойти драма...

Но легчик-немец не выдерживает напряжения, сходит с линии и в тот же миг, выбрасывая густые клубы дыма и огня, летит вниз и рассыпается где-то на полпути до земли. Хотевший было вырваться вздох облегчения замирает на губах у зрителей: два других мессершмидта, ата-

ковав И-16 с боков, встретившись, спокойно разошлись в воздухе, а И-16, кувыркаясь, полетел вниз.

Но вот его мотор заревел снова, как бы с удвоенной силой.

Мощный рывок вверх под брюхо одного из мессершмидтов, несколько очередей, и немец, загоревшись, падает вниз. Разделавшись со вторым, И-16 атакует последний мессершмидт, пытающийся уже удирать. Но проходит несколько мгновений, и он, закувыркавшись, рассыпается в воздухе.

Из грузовика раздаются радостные возгласы, на глазах у всех блестят слёзы. Они с восторгом глядят вслед удаляющемуся герою воздуха.

Уже начинаются первые домики Кобрина. В городе царит необычайная тишина, как будто бы всё здесь вымерло, что абсолютно не вяжется с радостным, полным жизни сиянием начинающегося дня. Грузовик останавливается перед белым одноэтажным зданием, скрытым в тени деревьев. У железных решетчатых ворот стоит уже несколько автомашин.

Кобрин госпиталь

Санитары, сняв нас с машины, могущих идти направляют в перевязочное отделение для легкораненых, а остальных уносят на носилках. Медперсонал состоит в основном из поляков (местных жителей).

Я направляюсь направо в открытые двери, откуда доносятся голоса и стоны. Две большие комнаты битком набиты ранеными. Несколько врачей и фельдшеров, обливаясь потом, делают перевязки. Приходится ждать долго. Прошло около десяти или пятнадцати минут, чувствую, что начинаю терять сознание. Заявляю об этом доктору. Он смотрит на мой ожог и говорит: «Вам надо в другое отделение, к тяжелораненым». Держась за сестру, с трудом перехожу через дворик в указанное отделение. Сестра сажает меня на диван и говорит: «Обождите».

Сажу на мягком кожаном диване, боюсь прислониться к спинке, так как при малейшем прикосновении спину жжет самым невыносимым образом. С улицы доносится шум проходящих мимо автомашин, тракторов и танков. Артиллерийской стрельбы не слышно.

Начинает думаться, что нам удалось задержать немцев. От такой мысли даже забываешь о мучительной боли. Напротив дивана находится полуоткрытая дверь в хирургическое отделение, где производят ампутации, вынимают осколки и пули.

Туда и обратно беспрерывно снуют санитары, внося и вынося больных, бегают врачи, отдавая приказания. Я несколько раз задаю проходящему часто мимо меня врачу вопрос: «Когда же моя очередь? Ведь я жду уже больше получаса». Я сажу к нему лицом. Моей руки и спины ему не видно. Поэтому он каждый раз мне отвечает: «Подождите еще немного, есть более срочные, чем вы». Проходит еще несколько минут. У меня уже нет больше сил терпеть, и я, качаясь, иду в ту сторону, откуда, вижу, выносят и выводят уже перевязанных раненых. Подхожу к двери и обращаюсь к мужчине, делающему перевязки: «Доктор, больше не могу, жду уже больше получаса, мне очень плохо». Он окидывает меня беглым взглядом и, очевидно, хочет сказать: «Подождите». Но что-то в выражении моего лица заставляет его бросить перевязываемого им раненого и подскочить ко мне. В самый нужный момент, закачавшись, повиесаю у него на руках и на миг теряю сознание.

Когда я прихожу в себя, я уже почти весь окутан бинтами: видны только глаза да рот, на левой руке у локтя небольшой просвет между бинтами. Всё тело, за исключением ног, точно в панцире. (Я должен рассказать, как это произошло.)

Две сестры отводят меня в палату. Там раньше помещалось родильное отделение. Теперь две трети его очищены для раненых.

Сёстры начинают раздевать и обмывать меня для того, чтобы положить в постель. Когда сняли левый сапог, он оказался, к моему удивлению, полон крови. На тыльной стороне левого бедра в мягких тканях оказалось пулевое (осколочное?) ранение. Пришлось прибавить еще одну перевязку. Меня положили в палату, где, кроме меня, находилось еще десять тяжелораненых. Мне принесли горячего кофе с молоком и две белые булочки с маслом. Всё это в минуту исчезает: я испытываю большой голод, очень сильные жажду и озноб. Горячий кофе согревает и успокаивает. Съедаю тройную порцию и еще то, от чего отказались другие раненые, которые в силу своего состояния не могут есть.

Около 11 часов. Начинается сильная стрельба зенитной артиллерии. Очевидно, где-то недалеко немцы бомбят, потому что дрожат не только окна, но и даже довольно массивные стены. В голове проносятся самые разнообразные и сумбурные мысли, трудно дать себе отчет, о чем же, собственно говоря, думаешь. Состояние полубредовое. Первые два часа очень часто выносили умерших и приносили новых раненых. Моя палата, очевидно, для наиболее тяжелых, так как из одиннадцати человек только я да еще двое в противоположном от меня углу проявляют еще кое-какие признаки жизни. Но вскоре и они затихают...

С испугом прихожу полностью в себя: в голове проскочила мысль: «Где комсомольский билет?» Вспоминаю, что под подушкой. Для верности достаю его, смотрю на него. Уже четыре года он неразлучно со мной. В голове проносится мысль: «Ведь ты же теперь должен быть там, впереди, со всеми. Тебя обязывает к этому долг перед родиной, комсомольская честь и честь секретаря комсомольской организации». Но подняться нет сил. С болезненной усмешкой прячу его обратно под подушку.

В голове, сменяя одна другую, летят мысли: «Как там на передовой? Задержали ли? Где товарищи по полку?» Хочется узнать последние сообщения.

Около трех часов стрельба начинает стихать. Уже больше двух часов ни один медицинский работник не показывается в палате. Хочется есть и пить. Через несколько пустых помещений из женской половины доносятся слабо голоса. Собрав все силы, начинаю кричать: «Сестра! Сестра! Сестра!» Никакого ответа. Принимаю решение направиться на звук голосов. Но на полпути силы мне изменяют, и я на карачках еле-еле добираюсь обратно до своей койки и снова впадаю в бессознательное состояние...

Сколько прошло времени, не знаю. Прихожу в себя от звука голосов и шагов в палате. Уже темно. Вижу несколько силуэтов, ходящих от койки до койки с фонариком в руках. Моя койка в самом углу. От каждой койки доносится мужской голос, сухо констатирующий по-польски: «Умер». Группа подходит ко мне. Тот же сухой голос с затаенной злобой говорит: «А этот, пся крев, еще живет». Я снова впадаю в беспамятство...

23-е, раннее утро, только что рассвело. Прихожу в себя, с удивлением оглядываюсь, не могу понять, где я. Другая, почти пустая палата. Сразу же прошу принести мне мои документы, объясняю, где их найти, особенно боюсь за комсомольский билет.

Сестра на некоторое время исчезает. Когда она возвращается, я спрашиваю ее о документах. Она, по всей видимости, не затрудняя себя поисками, недовольно ответила: «Не знала». Я прошу еще раз. Получив в ответ: «Добже, на разе зачекай, тераз не мам часу». Она исчезает и больше не появляется. Я впадаю снова в бессознательное состояние. Сквозь полусон слышу какой-то шум и движение в палате. Открываю глаза, но полностью не могу еще отдать себе отчета в происходящем. Вижу группу военных, но без очков не могу понять, кто они. В голове мелькает мысль, что красноармейцы, наверное, принесли своего раненого товарища. С улицы доносится артиллерийская стрельба, грохот танков, шум автомашин. Начиная яснее различать голоса, слышу немецкие слова. Думаю, что привели немецких раненых военнопленных для оказания им помощи. Но мои радужные предположения очень быстро превратились в самую мрачную и безотрадную действительность.

Немцы разгуливали с хозяйским видом между коек и рассматривали нас как диких зверей. Меня рассматривали как какое-то восьмое чудо. Замечаю, что двое наших медицинских работников уже не имеют оружия и знаков различия. Поляки же на задних лапках танцуют перед немцами и чувствуют себя как бы вторыми хозяевами положения. Немцы принесли своего, кажется, полковника, для оказания ему помощи. Окончательно прихожу в себя и понимаю, что я попал в плен к немцам.

Меня охватывает беспокойство. Что будет, если мой билет попадет в какие-нибудь вражеские руки? Непростительная халатность. Хорошо еще, если его сожгут вместе с постельными принадлежностями.

В голове самые безотрадные мысли. Я, секретарь комсомольской организации, оказываюсь нарушившим военную присягу. С каким лицом я теперь покажусь своим товарищам, своим родителям? Начинаю думать о том, что, может быть, будет лучше исключить себя из жизни. Но быстро отбрасываю эту мысль: ведь возможно, что наши ответным ударом отобьют город, и мы будем снова у своих. Тогда сразу же после поправки – на фронт, и всё будет снова хорошо. Ведь еще Маяковский сказал:

*«В этой жизни умереть не трудно.
Сделать жизнь значительно трудней».*

Таким образом, я немного успокоился и принял решение как-нибудь выждать время и при первой возможности удрать к своим. В тот момент я не отдавал себе отчета в том, что представляет из себя немецкий плен, как он изнуряет человека и приводит в самый кратчайший срок к смерти. Тогда я еще не знал, что буду в течение долгих месяцев привязан к больничной койке. Довольно скоро я приобрел уже первые, весьма поучительные сведения о немецкой вежливости. Немцы ходили по госпиталю, грубо кричали и ругались и несколько раз применяли рукоприкладство. Всех наших раненых было приказано к 18.00 перевести в здание городской школы.

Начался очень мучительный переезд. Только благодаря нежному и заботливому обращению со стороны нескольких оставшихся сестер и сестер-добровольцев из местных русских комсомолок, наши страдания были, по возможности, уменьшены.

Как сквозь сон помню печальные, но полные твердой решимости лица наших сестер, которые, еле держась на ногах от усталости, помогали нам.

Школа находилась не очень далеко от госпиталя, но по дороге мне удалось сделать весьма поучительные наблюдения. Встретилась группа оживленно разговаривавших, раздетых, с цветами в петлицах и на платях людей. По разговору я понял, что это поляки. Они всячески демонстрировали свои верноподданнические чувства. Встретилась мне еще одна группа, при виде которой у меня защемило сердце: несколько немецких солдат гнали наших красноармейцев, подталкивая их со смехом и грубыми шутками штыками. Встретилось очень много людей с серьезными, печальными лицами. Их глаза при виде немцев вспыхивали на миг огоньком глубокой ненависти, но потом сразу же покрывались непроницаемой пеленой полного безразличия. Эти люди говорили либо по-русски, либо по-белорусски. Наш народ с первой же минуты не хотел и ненавидел немцев.

Вот и школа...

Школа

Все двери и окна раскрыты настежь, во дворе валяются парты и столы, бумага и учебные принадлежности, на стенах висят изодранные карты и наглядные пособия. Весь пол усеян бумагой и залит чернилами. Среди бумаг на полу одна из сестер подняла портрет тов. Сталина и, заботливо свернув его, спрятала под кофточку.

Когда меня пронесли через бывший актовый зал, я над возвышением заметил еще один большой портрет тов. Сталина. Внутри всё зануло от глубокой обиды и бессильной злобы: немцы выкололи на портрете глаза и чернилами пририсовали рога. На каждом шагу фашисты показывали всё наглее и наглее свой звериный облик.

Нас положили на голый пол, очень тесно, одного к другому. Вместо матрацев нам служили кому газета, кому карта, кому плакат. Мне стало окончательно ясно, что цена нашей жизни для немцев равна нулю и что мы для них являемся обременительным элементом.

В школе тихо. Смеркается. С улицы доносятся звуки аккордеона – фокстротики и какие-то фашистские песенки. Не хочется и слушать.

Вдруг с верхнего этажа школы донеслись звуки рояля. Аккордеон стих. До нас стали доноситься легкие звуки штраусовских вальсов; потом совершенно неожиданно несколько старых русских народных мотивов, долетая до слуха, каким-то родным теплом согрели душу. Игра вдруг оборвалась, минута молчания, и вот до слуха доносится музыка Бородина – ария князя Игоря. Кто-то играл с большим чувством. Звуки закрадывались в душу и будили ответные чувства, хотелось самому вторить Игорю:

*«О, дайте, дайте мне свободу!
Я свой позор сумею искупить!
Спасу я честь свою и славу,
Я Русь от недруга спасу».*

Всё во мне переполнилось одним горячим желанием вырваться отсюда и бить, бить немцев без пощады. Но танцующие звуки аккордеона из-под окна грубо ворвались в родную мелодию, прервав и заглушив ее, вернули меня в мрачную действительность. Кругом стонали раненые и пахло гноем. Я впал снова в беспамятство.

24-е. Прихожу в себя от того, что меня кто-то тормошит: «Вставай, регистрация. Доктор будет делать обход».

Оглядываю своего соседа. Начинаю с ним разговаривать. Он пианист из Минска. Там у него жена и ребенок. Фамилию его не могу запомнить. Как-то на Т. Он еврей. Просит меня никому об этом не говорить. Я сначала не понимаю почему. Он объясняет: немцы уничтожают евреев, политруков и комиссаров. Без всякого разбора. Достаточно сказать: он еврей, он комиссар. Я дал ему слово.

Разговорились о музыке, потом перешли на литературу, так как это предмет для меня более знакомый.

Начинается обход...

Записывают все метрические данные и характер ранений. На перевязку не берут, так как еще нет материала. Прикрепляют двух сестер – Нину (фамилию не сказала), высокую, несколько неуклюжую девушку, но исключительно милую и добрую, и Рахиль Гольдину, очень хорошенькую молодую женщину из местных. Они стараются, по возможности, удовлетворить все наши потребности. Рассказывают нам последние новости. Рахиль приносит немецкую газету и переводит.

Не хочется верить крикливым и хвастливым немецким сводкам и заявлениям. В душе томящий вопрос: как же это возможно? Неужели Павлов – предатель? Судя по рассказам многих и по собственным наблюдениям, это так. Ведь тут лежат раненые артиллеристы, танкисты, летчики, пехотинцы и другие, и все рассказывают о больших неполадках, которые в момент начала войны обнаружались в их частях.

Сёстры успокаивают нас, чтобы мы не нервничали. Это только кажущаяся удача, которую удалось немцам достичь внезапностью.

Вдруг открывается дверь и в комнату входит, дымя, тучная фигура в немецкой форме. Начинает нас оглядывать с любопытством.

«He, was meint ihr? Wer wird siegen, Bolschewisten oder wir? He, was für eine Frage! Freilich wir Nationalsozialisten. Unser Führer hat gesagt: in zwei Wochen Moskau; in drei Wochen wird das ganze Rußland auf den Knien stehen! Stalin wird auf gehängt. He, schön? Was meint ihr jetzt? He, ihr schweigt! Ihr werdet jetzt arbeiten, arbeiten und nochmals arbeiten. Und wir Deutsche warden zehn Jahre mindestens nicht arbeiten. So hat Führer gesagt, ihr russische Dreckschweine!»

И повернувшись, он ушел, стуча коваными сапогами и хлопнув дверью. Почти никто из того, что он говорил, ничего не понял, но грубый тон его голоса и угрожающие жесты привели всех в угнетенное состояние. Все стали спрашивать у Рахили, что он говорил. Она ответила, что лучше этих грубостей не переводить, и ушла. Мы с Т. стали обсуждать последние известия, которые нам удалось узнать из немецких газет.

Знакомлюсь ближе с Гольдиной (она сказала, что ее называют дома Ока). Она образованный, хорошо знающий русскую литературу человек. Ока обещает принести мне эпос «Джангар» и «Наполеон» Тарле. Эту книгу я еще не читал. Нашу беседу прерывают прорвавшиеся к нам женщины из местного населения. Несмотря на запрет немцев, они принесли нам различные продукты питания и кое-что из одежды и постельных принадлежностей. Многие из них плачут. Нас в палате больше 60 человек. Но женщины нанесли продуктов столько, что они оказываются в избытке. Начпрод забирает их на кухню в общий котел. Они принесли нам хлеб, сало, молоко, сметану, масло, лепешки, в общем, всего не перечислишь.

Немцы кормят нас тоже сравнительно неплохо: около 600 граммов нашего черного хлеба и три раза – густые, почти каши, супы, хорошо заправленные маслом либо салом.

Эти посещения (женщин) продолжаются в течение всего дня. Они и приятны, так как чувствуешь заботу и любовь со стороны своих, и беспокойны, так как из-за голосов и плача нет возможности спокойно полежать или заснуть.

К 20.00 посещения прекратились. Я снова беседую с Окой, которая заступила на ночное дежурство. Она рассказывает мне, что немцы сбрасывают листовки, в которых призывают сдаваться в плен. Она обещает принести какую-нибудь из них.

Уже начинает смеркаться. Поздно. Большинство раненых спит, либо находится в бредовом полузабытьи. Для того чтобы им не мешать и продолжать разговаривать, она полулежит рядом со мной. Я не спускаю глаз с нее. У нее большие горящие глаза, какая-то особенная нежно-розоватая, как бы прозрачная кожа, от ее тела исходит какой-то приятный, влекущий запах. Так и хочется притянуть ее к себе и покрыть поцелуями. Меня охватывает нервная дрожь. Она, видимо, не поняв причины, начинает нежно гладить меня по голове. Но это не помогает, она пытается меня успокоить и несколько раз осторожно целует меня в щеку. Я лежу ничком. Когда она наклоняется еще раз, я рывком поднимаю голову, так что она даже несколько испугана, и своими губами ловлю ее губы. Она хочет отдернуться, но уже поздно: я левой рукой, которой могу двигать, хватаю ее за шею и присасываюсь как пиявка к ее губам. Сначала она противится, но потом сама отвечает долгим и горячим поцелуем, от которого у меня начинает кружиться голова, и я впадаю в бессознательное состояние. Когда я прихожу в себя, уже светает. Ока дремлет на стуле посреди комнаты.

В семь часов врач делает обход и записывает на перевязку. Я тоже попадаю, так как у меня повязки совершенно промокли от гноя и от них невыносимо воняет.

Сегодня происходит мое первое знакомство с нашей кастеляншей – пожилой полячкой. Очень неприятная, злая женщина. Почти в каждом ее слове сквозит неприязнь к русским. На каждом шагу она старается подставить ножку нашим работникам. Особенно придирается она к Оке, так как Ока – еврейка.

У меня сегодня очень плохое состояние. Виновата в этом, очевидно, уже устаревшая повязка. Не могу есть завтрак, так как нет аппетита. Ока откуда-то приносит два сваренных всмятку яйца и кусок белого хлеба с маслом.

Около десяти часов меня относят в перевязочную. На столах люди корчатся и стонут от боли.

Мои повязки разрезают на обоих боках ножницами. Они в некоторых местах приросли. Отмочить их уже нельзя, приходится отдирать с кусочками мяса. Промывают всю обожженную поверхность сначала перекисью водорода, потом дезинфицируют крепким, почти фиолетовым раствором марганцовокислого калия. Во время промывания я еле удерживаюсь от крика, ибо испытываю такую боль, словно у меня снова всё горит.

Часа через два после перевязки состояние мое немного улучшается. Перед обедом снова пришла Ока и принесла «Джангар», посидела немного со мной и ушла выполнять свои обязанности. Я стал читать «Джангара».

Сегодня было опять много посетителей. Пожалуй, даже больше, чем вчера. Сегодня я получил постельные принадлежности и пару белья. Теперь лежу на матрасе (раньше подо мной была половина географической карты). У меня большое шерстяное одеяло, простыни и две пуховые подушки. Теперь и лежать стало легче. День прошел так же, как и вчера. Вечером Даша принесла листовку-пропуск для перебежчиков. Неприятная, лживая бумажка. Даша рассказывает, что по улицам немцы гонят много наших пленных. Не хочется этому верить, но это так, потому что число раненых в госпитале непрерывно увеличивается.

Немцы непрерывными автоколоннами движутся на восток. Большинство, как говорят, гитлеровская молодежь и SS.

Всю ночь снова бредил.

Утром Нина говорила, что всю ночь городил какую-то белиберду, просил отдать комсомольский билет и вспоминал какую-то другую Нину. В семь часов снова был обход. Хотя повязки за ночь уже стали промокать, врач сказал, что еще рано, так как часто нельзя беречь, да и очень много раненых, а нужно пропустить всех. Перевязки в лучшем случае будут делать через два на третий.

После завтрака узнал, что привезли раненого командира 125 с. п. – майора Дулькейта, который после боя под Каргуз-Березой попал в плен. До нас дошли сведения, что немцы окружили Белосток, идут на Гродно и на Минск, что Киевский военный округ еще держится, защищая Львов, но, очевидно, будет вынужден оттянуть свои силы под угрозой обхода с фланга.

Вечером Ока принесла листовку, сброшенную немцами защитникам Белостока. Листовка написана с наглостью, на какую способны только немецкие фашисты.

Несколько дней прошло очень похоже один на другой: обходы, перевязки, посещения местных жителей. У каждого из нас в изголовье стоит целый запас продуктов, так как всего принесенного мы не в состоянии съесть.

29-го проездом был какой-то немецкий полковник и заявил с гордым и самодовольным видом, что взят Минск и что уже назначены коменданты всех крупных городов европейской части СССР, в том числе Москвы и Ленинграда. Тяжело поверить, хочется думать, что в действительности дела у немцев идут не так-то уж хорошо, что это только их пропаганда для того, чтобы создать у нас панику в тылу и на фронте. Всей душой рвешься что-нибудь сделать, но чувствуешь себя бессильным, ибо не в состоянии даже подняться с койки.

Следующие дни проходят без особых перемен. Вспоминаем в разговорах с Т. и Окой еще такое недалекое, но теперь уже недостижимое прошлое. Теперь оно кажется таким дорогим и красивым, а раньше этого не замечал. Хотя у нас и госпиталь, но даже и сюда прокрадывается атмосфера рабства и расового презрения. Дышится и чувствуется очень тяжело после свободной и свежей атмосферы нашей родины.

Сведения о событиях на фронтах получаем самые смутные. Им не хочется верить. Со дня на день ждешь сообщений о том, что Красная Армия, решительным контрударом опрокинув немцев, гонит их обратно. Но таких сообщений нет, и чувствуешь себя всё несчастнее, всё угнетеннее, но ненависть к немцам и жажда мести всё возрастают.

3-е июля. Сегодня ночью ушел один раненый. С утра шум и крик. Таскают наше начальство на различные допросы. Завтрака мы не получили, перевязок не производилось. Нас оставили на весь день без пищи. Но нам это не страшно: каждый имеет у себя небольшой резерв.

Гражданскому населению, здесь их называют гражданскими, посещать нас строжайше запретили под угрозой репрессий. Но это их не удерживает. Всё равно некоторые из женщин прорываются к нам.

Кончил за эти дни «Джангар», прочитал «Пламя на болотах» Ванды Василевской и начал ее же «Земля в ярме». Обе книги мне понравились.

4-го кастелянша выгнала одну нашу девушку. Причины не известны. По нашему мнению, она очень добросовестно выполняла свои обязанности. Ей приходилось даже ежедневно делать в оба конца больше 15 км. Но это ее не останавливало.

Она приходила выполнять то, что считала своим долгом.

Моя дружба с Окой за эти дни окрепла еще больше. Может быть, это и несправедливо, но мне она оказывает особое внимание, и мы очень часто с ней беседуем.

Прошло два или три дня. Посетить нас пришла Вера – девушка, которую выгнала кастелянша.

Она пришла вся в слезах: она несла нам большой бидон с молоком, литров на 25. По дороге ее остановили немцы и забрали молоко. Она не хотела отдавать, говоря, что оно для раненых, но немцы ударили ее, отобрали молоко и прикладами помяли бидон.

Мы были все до глубины души возмущены этим поступком и пытались ее как-нибудь утешить и успокоить.

Вечером (Ока жаловалась мне, что кастелянша ей всюду ставит рогатки и грозит вообще прогнать за еврейское происхождение) мы все устроили кастелянше небольшую демонстрацию протеста.

Из Кобрина немцы куда-то отправляют наших русских женщин. Выписали им какие-то пропуска. Говорят, что поедут в Минск и там будут переправлены через линию фронта. Мы в это не верим, но каждый потихоньку, чтобы не видели другие, сует каждой из сестер записку с несколькими словами и своим адресом. Я передаю Нине: хотя она из местных, она должна уехать. Ей опасно оставаться тут, ее почти все в городе знают и могут даже нечаянно выдать немцам. После прихода русских в 1939 году в Польшу она первая организовала комсомольскую работу в городе. И на протяжении всего времени до начала войны была активисткой.

Кратко сообщаю о своем попадании в плен и пишу, что легко ранен, чтобы не беспокоить родителей, если это до них сможет дойти.

Для евреев немцы ввели желтые звезды, без которых те не имеют права появляться на улицах.

Ока говорит, что она лучше будет сидеть дома, чем наденет эту повязку.

Дни идут за днями почти без изменений. Врачебные обходы, перевязки, обеды сменяют одно другое. От однообразия впадаешь иногда в отупение. Если бы не разговоры с Т. или с Окой, то, пожалуй, совсем бы отупел.

Перевязки нестерпимо мучают, но стараюсь переносить их молча. Сегодня только не выдержал, когда прочищали зондом рану в локте. Сегодня также пришлось на собственном опыте узнать, почему наши раненые боятся перевязываться у толстого врача-хирурга, поляка. Мне показалось, что он намеренно причиняет боль. Сегодня он накричал на одного раненого за то, что тот назвал его «товарищ доктор». Нужно называть «господин» либо «пан доктор». Оказывается, он в прошлом – чин какой-то польской бандитской шайки. Позднее ему удалось замаскироваться. Неудивительно, что он такая сволочь.

Уже второй день ходят слухи о частичной эвакуации госпиталя.

8-е июля. В шесть часов утра прошел врач и отобрал годных для транспортировки раненых. Т. попал в их число. Меня перевели в новую палату. Попал со старшим лейтенантом Калашниковым из 333 с. п. Он ранен в левое бедро. Он сделал шахматы. Играем почти целыми днями.

Сегодня получил «Наполеона» Тарле. Прочитал с большим интересом.

14-е июля. Шесть дней прошли без больших перемен. Сведений с фронта почти не получаем. Только Ока иногда сообщает по секрету кое-что: она имеет возможность слушать русское радио. Все радиоприемники в городе отобраны, а слушание запрещено под карой смерти. Но у них есть тайная установка. Сведения самые неутешительные. С трудом могу найти удовлетворяющее меня объяснение.

Говорят, что нас тоже скоро перевезут в другое место.

18-е июля. Сегодня пришел приказ об изъятии всех русских книг. Целый день сегодня ходили и искали. Собирают для того, чтобы сжечь. Я вынужден вернуть Оке ее подарок – «Наполеона» Тарле, чтобы он не подвергся судьбе остальных книг. Вынужден послать книгу через одну санитарку, так как кастелянша уже второй день запретила Оке показываться на территории нашего лазарета.

Уже несколько дней перебои с питанием: несколько раз уже не получали хлеба, цивильных почти совсем к нам не пропускают. Теперь нашим питанием ведают не немцы, а старший врач городской больницы – поляк.

20-е июля. Сегодня открылась небольшая афера: по настоянию нашего начхоза немцы сделали на складе городской больницы ревизию и обнаружили большие запасы лишнего хлеба и других продуктов, сэкономленных за наш счет. Сегодня по этому случаю заметное улучшение в дневном пайке. Польский персонал шипит, как змеи. Особенно злобствует кастелянша. Сегодня услышал разговор наших фельдшеров о том, что с большим трудом удалось спасти одного от совершенно ненужной ампутации правой руки: подсунули врачу срочный случай, и он забыл об этой ампутации. Вообще он производит умышленно ампутации, даже если можно обойтись без них. Очень много случаев прописывания несоответствующих медикаментов, вследствие этого некоторые смертельные случаи. Умышленная преступная деятельность врача.

Послезавтра мы все выезжаем. Сегодня после обеда и завтра весь день будут делать всем без исключения свежие перевязки.

22-е июля. Вчера весь день прошел в суете: делали перевязки. Сегодня с утра шум и суматоха. Уже восемь часов, а подвод еще нет. В 9 назначен отъезд, а нужно разместить раненых и раздать им на дорогу маршпаек. Продукты тоже еще не получены. Поляки умышленно создают неразбериху. Наконец прибыли подводы. Нас положили по двое и сразу же отправили. Продукты мы так и не получили.

Видел издали Оку: близко ее не пустили. Выезжаем из ворот и двигаемся длинной вереницей на запад. Охраняют нас молодые немцы. Выезжаем за город. Прощай, Кобрин...

Дорога

Навстречу нам несутся, ревя и гроыхая, немецкие автомашины. На них различные значки частей: львы, мечи, щиты и т. п. На многих машинах едут солдаты. Когда проезжает СС-молодежь, они плюют в нас, бросают всякую дрянь и грубо издеваются. С каждой минутой становится ясно, что выдержать и пережить немецкий плен будет почти непосильной задачей.

Старики из организации ТОД, работающие на восстановлении дороги, бросают нам сигареты: они сами в первую войну были в плену и испытали всю тяжесть плена. Большинство среди них чехи и австрийцы.

Июльское свежее утро. Тихо колышется уже желтеющая пшеница. Из листвы деревьев доносятся голоса птиц. Природа так тиха и безмятежна. Глядя на красоту и спокойствие сегодняшнего дня, нельзя никак поверить, что где-то идет война. О ее ужасах напоминают только невысокие холмики над братскими могилами наших солдат, да обгоревшие остовы автомашин и подбитые танки. Кое-где попадаются могилы немецких солдат с крестом и шлемом на нем. Все эти предметы чужие и ненужные на фоне безмятежного спокойствия природы.

Проезжаем мимо развесистого дуба. Под ним бугор земли с маленьким деревянным крестом, на кресте немецкий шлем. Откуда-то прилетел ворон, сел на крест и, стукнув по шлему, который зазвучал глухо и обиженно, несколько раз громко прокаркал, словно предсказывая остальным немцам такую же судьбу.

Лежать вдвоем в повозке очень тесно и неудобно. Деревянные перекладки врезаются в бока, несмотря на подложенное сено.

Проезжаем через белорусские деревушки. Жители высыпают на дорогу с узелками в руках. Каждый хочет пробиться к повозке и дать что-нибудь нам. Конвой угрожает винтовками, но это не останавливает жителей. Конвой вынужден уступить. Нас забрасывают лепешками, хлебом, салом, на ходу поят молоком и дают яйца. Во всех деревнях по пути нашего следования одна и та же картина. К нашей повозке привязался какой-то молодой немец: он то едет, то идет рядом. Пробую поговорить с немцем из фашистской Германии. Он очень удивлен, что я немного владею немецким языком. Мне сначала трудно понять его, так как он говорит на каком-то диалекте, кажется, саксонском. Он сын мелкого торговца. Его понятия о внешнем мире чрезвычайно примитивны. У нас любой школьник начальной школы имеет более правильное представление. Задаю ему несколько простых политических вопросов. В этом он совсем младенец. Он знает и говорит только навязанное ему фашистской пропагандой. О СССР у него самое превратное представление. После каждого моего слова о моей родине он делает большие глаза. Особенно трудно ему понять, как можно коллективно обрабатывать землю и как можно жить без частной торговли. Стараюсь, насколько могу, подобрать в своей памяти соответствующие немецкие слова, чтобы ему попроще объяснить. Ему уже стало скучно, он больше не слушает. После минутного молчания он вдруг вводит прерванный разговор в новое русло. Мы в это время проезжаем мимо нашей братской могилы, на ней уже начинает зеленеть травка.

– Теперь твоя пропаганда уже не нужна. Мы сильнее. Видишь? – Он указывает на братскую могилу. – Скоро вся Россия покроется такими, а в них будут лежать большевики и те, кто с ними. Наш фюрер сказал, что через три недели Россия уже будет наша, и мы, немцы, десять лет будем отдыхать, а другие покоренные народы будут на нас работать.

Я мог только сожалеюще улыбнуться его наивным словам. В душе же моей кипело, и хотелось крикнуть ему в лицо: «Неправда! Мы знаем, за что мы боремся. Победа будет за нами! Русский народ никем еще не был поставлен на колени».

Говорить с ним больше не хотелось. Я односложно отвечал на его вопросы о моей личной жизни, а потом сделал вид, что сплю.

Вот поворот на Брест. Жабинка осталась вправо.

Непрерывной вереницей идут немецкие автомашины с награбленным во всех странах Европы. Едем очень медленно. Хорошо, если засветло доберемся до места назначения.

Проезжаем через предместье Бреста. Небольшая группа поляков злобно смотрит на нас, раздаются несколько злобных выкриков на польском и немецком языках.

«Russische Schweine! Misthunde! Пся крев. Теперь узнаете, как нас освободить!»

В нас полетело несколько камней и комьев земли. Мы молча ехали дальше. Ездовые белорусы нагнули головы и в седые усы ругались:

– Подождите, будет и на нашей улице праздник, посмотрим, как будете петь вы тогда. У-у! Продажная сволочь.

Сворачиваем налево. Наверное, в химгородок.

Уже смеркается, когда мы достигаем первых корпусов городка. Перед одним из корпусов мы останавливаемся. Нас начинают выгружать. Замечаю, что кругом лагерь обтянут проволокой. Сердце неприятно сжимается.

Среди врачей узнаю доктора Сими́на, который уехал на две недели раньше. У нас в Кобрине говорили, что его немцы расстреляли.

Снова старые места и виды, хорошо изученные за время тактических учений, но сейчас они залиты мрачным заревом войны и окутаны мраком фашизма. О самостоятельности приходилось уже совершенно забыть.

Брест

Госпиталь Брест-Полигон находился за колючей проволокой. Это был первый настоящий лагерь военнопленных, куда я попал.

Я был совершенно разбит и измучен дорогой. Всё тело болело и ныло, словно меня весь день били палками. Я заснул сразу же, как получил место.

24-е июля. Весь вчерашний день прошел в размещении и перемещении. Калашников послал записку жене.

Сегодня ему принесли передачу. Он очень жалел, что сам не может ходить. С утра у нас сегодня проводят регистрацию раненых и разбирают их по палатам и корпусам. Я получил № 1899. После обеда меня перевели на второй этаж в маленькую комнату, где, кроме меня, еще четверо. У нас у всех отдельные койки. Кормят тут пока еще сравнительно неплохо, но хлеба дают значительно меньше. Был врач, бегло познакомился с нами, показал нам своего помощника военфельдшера Б., очень простого и симпатичного человека. Завтра должны быть перевязки.

25-е июля. Был на перевязке. Врач решил лечить меня открытым методом, но для этого надо сделать чехол над постелью. Б. сегодня вечером где-то достал два больших куса тюля, а его жена сшила из них чехол. Б. собственноручно сделал каркас из медной проволоки. Для удобства меня положили просто на полу, на матрасе. Теперь надо мной возвышался чехол. Я был словно в клетке. Все повязки с меня сняли, остались только на руке и на ноге, так как раны еще окончательно не зажили. Колпак сделан для предохранения открытой раны от мух. Сегодня чувствую себя после обеда очень плохо: трясет и болит голова. Температура около 40°. Малярия. Совершенно пропал аппетит. Спрашивал врача, сколько времени мне придется с ожогом лежать на койке.

Врач говорит, что две-три недели. Но я сам понимаю, что так скоро быть не может, так как ожог очень сильный и захватил большую поверхность. Но, однако, питаю в душе тайную надежду, что, может быть, врач говорит правду. Встану... Тогда... Тогда, возможно, увижу вновь свободу.

28-е июля. Ото дня ко дню чувствую себя слабее, виновата во всем малярия. Сегодня врач сказал, чтобы на перевязку я попробовал прийти сам. Встал, попробовал идти, дошел до коридора и больше ничего не помню. Пришел в себя уже в перевязочной на столе. Сегодня сняли повязку с ноги: рана уже совершенно затянулась. Завтра будут производить переформирование госпиталя. В 5-м корпусе, где я нахожусь, будет карантин для пребывающих вновь. Меня должны перевести в 1-й корпус.

29-е июля. Целый день переносят раненых из одного корпуса в другой. К вечеру меня тоже переводят. Переночевать приходится на полу: еще не распределены места.

30-е июля. Попадаю в 4-ю палату 1-го отделения. Рядом со мной лежит студент МГУ Леонид К. Быстро сходимся с ним. У него довольно много русских книг. Санитар нашей палаты ленинградец-летчик, веселый и общительный парень, Василий Ш. Снова появилась возможность беседовать на различные литературные и политические темы. Леонид хорошо в этих вопросах разбирается: он учится или уже окончил истфак МГУ. Находим с ним несколько общих знакомых. Леонид в несколько лучшем положении, чем я: он имеет возможность ходить. Рана на его в левом плече почти зажила. Он выполняет кое-какую регистраторскую работу в корпусе. Получил от него несколько книг: «Адам нового мира» Линдсея, «Дом привидений» Гайдара, рассказы Сергеева-Ценского, «Анну Каренину» Л. Толстого и снова «Наполеона» Тарле (с удовольствием перечитал еще раз). Прочитал еще несколько книг без названий, так как не было начала. Леонид почти каждый день приносит свежие немецкие газеты – фронто-

вые «Stoßtrupp», «Kampfblatt Völkischer Beibachter», «Schlesische Zeitung», «Münchener neueste Nachrichten» и др.

Немцы во весь голос кричат о своих, якобы решающих, победах. Волна хвастливости залила немецкую прессу. С болью в душе следишь за сообщениями о взятии наших городов. Перед глазами встает картина пожаров, зверств и насилий в наших городах и селах. Ведь мы, находящиеся в плену у немцев, знаем лучше других, на что этот народ способен. Некоторые из нас начинают колебаться, высказывают свое сомнение в благополучном для нас исходе дела. Стараемся с Леонидом убедить их, что удачи немцев только временны, что нам нужен определенный период для того, чтобы оправиться от неожиданности удара и накопить силы. Приводим примеры из нашей истории, когда русский народ терпел временные неудачи, когда были предательства и измены, но всё равно всегда выходил победителем. Все удачи немцев будут продолжаться до того момента, пока русский народ не поймет грозящей ему опасности и единой мощной грудью не встанет на защиту своей родины. Тогда... тогда придет конец немецким успехам, немецким планам и... конец их существованию.

Говорим, что фашисты хвастались: «За две недели Москва. За три недели Россия на коленях», а прошло почти три месяца, а они еще далеко от Москвы и потерпели уже несколько серьезных ударов: на Березине, под Смоленском и Вязьмой. В тылу же у них сотни и тысячи русских патриотов ведут с ними ожесточенную партизанскую борьбу. Москвы им не видать!

Но голод и повышающаяся смертность делают свое дело.

Люди теряют уверенность в себе и в будущем, слабеют и опускаются. Этим явлениям словами и убеждениями воспрепятствовать невозможно. Стараешься поддерживать в себе и в других хотя бы слабый огонек надежды. Меня выручает в этом огромный запас оптимизма и вера в силу нашей родины.

Дни текут за днями, похожие один на другой как две капли воды. Люди всё больше слабеют, превращаются в живые скелеты. Те, которые раньше могли ходить, теперь вынуждены лежать, так как уже нет сил ходить.

Приходили несколько товарищей из моего полка: Михаил Кузнецов и Дм. Волков. Здесь он работает переводчиком на кухне и почему-то называется Николаем. Он рассказывает мне о судьбе нашего второго дивизиона. Леонид ушел работать регистратором. Иногда заглядывает к нам. Сошелся на почве шахмат и шашек с техником-строителем из Горького М. П. Тихомировым. Он имел 1-ю категорию. Очень часто играем с ним в шахматы, с переменным успехом, но преимущество всегда на его стороне.

Весь август прошел незаметно. Вместо Василия Ш. санитаром у нас работал уже харьковчанин старшина-пилот Петр Галагура.

Проходил сентябрь, узнали об осаде и падении Киева. Немцы своими полчищами всё глубже врываются в сердце России и Украины.

От создавшегося тяжелого положения на фронте для нас вдвое тяжелее переносить плен. Мучают уколы совести, что лежишь здесь, по эту сторону фронта, хотя и раненый, но бездейственный и никому не нужный. А так... Там люди отдают последнее, проливают кровь, сражаясь за счастье своей родины. Иногда хотелось умереть. Но это слабость – просто уйти из жизни. Надо бороться, постараться преодолеть все трудности. Победа должна быть за нами. Тогда ты, имея только желание, сможешь заглаживать и исправить всё то, что произошло.

На место Леонида положили мл. лейтенанта Парфенова Н. А., высокого худого человека с очень неприятным хищным лицом. Во всех его поступках и словах проскальзывает хищная и подлая натура. Однажды он просунул мне под чехол свернутую бумажку и таинственно сказал: «Переведи на немецкий».

Я не подумав перевел. Записка была написана корявым почерком и очень безграмотно: *«Г-н комендант, прошу Вас предоставить мне возможность свидания с Вами. Я имею кое-что Вам сообщить».*

Прошло два или три дня. Он снова сует мне свернутую бумажку. Я прочитал. Так же безграмотно, как и первая, было написано:

«Г-н комендант, я вторично прошу Вас о свидании и об оказании мне помощи. Я – немецкий шпион. Работал по выполнению задания коменданта Кармуз-Березы, я был в том районе ошибочно ранен немецкими солдатами. Прошу у Вас свидания, оказания мне помощи и улучшения питания».

Я отказался переводить. Парфенов стал уговаривать меня, говоря, что он вовсе не шпион, а это только тактический шаг, чтобы получить возможность хорошо питаться. Обещал делиться со мной, если ему этот трюк удастся. Я категорически отказался и перестал с ним разговаривать. Он тоже замолчал и злобно посматривал на меня.

Эпидемия дизентерии принимает всё более широкие размеры. С полмесяца назад появились первые случаи дизентерии, и теперь ежедневно умирают сотни людей.

В госпитале нет бани. Завшивленность возрастает ото дня ко дню. Вшей завезли к нам из прифронтовых лазаретов в Житомире и в Шепетовке.

У Парфенова в гипсе на ноге появились вши; они кишат целыми роями. На мое счастье, он лежит через проход от меня. Вшей у себя я еще не находил, но зато в складках тюля образовались громадные гнёзда клопов. Я в течение двух дней охотился на них и почти полностью добил врага.

В наш госпиталь прибыла группа военнопленных женщин: врачей, фельдшеров и санитарок. Их распределили по корпусам. В палатках стало как-то чище и светлее.

В нашу палату попали две Нади: одна – врач Надежда Васильевна Шумская из Винницы, другая – санитарка, попросту Надя. Ни отчества, ни фамилии, ни откуда она, мы не знали.

Шумская за несколько дней сумела завоевать себе авторитет и любовь среди раненых. Надя же была несколько легкомысленна и недобросовестно относилась к своей работе. Раненые были недовольны.

Несколько раз были различные немецкие комиссии. Осматривали раненых. Особенно заинтересовались раненым К. (у него оторвана была нижняя челюсть, и доктор Семин сделал ему совершенно новую) и мной, так как я лежал ничком, как зверь в клетке, и больше чем на половине спины было обожженное мясо. Голова, лицо и руки тоже носили следы ожогов.

1-е октября. В последний раз были у нас брестские жители с передачами. Теперь это строжайше запрещено. До этого мы имели возможность получать один или два раза в неделю какие-нибудь фрукты или овощи и лишний кусочек хлеба. Все передачи равномерно распределялись между ранеными.

Немцы отняли у нас уже последнее – заботу наших соотечественников, которые имели сами немного, но старались поделиться со своими ранеными, хотя зачастую вовсе не знали их.

В госпитале возрастали завшивленность и смертность. Свирепствовала дизентерия. Врачи начали опасаться вспышки тифа. Положение становилось всё более серьезным и безвыходным. Медикаментов было мало. Запасы, захваченные немцами в наших складах, иссякали. Своих медикаментов немцы давали мало. Перевязочный материал был в основном бумажным.

Ходячие раненые по ночам лазали по мусорным кучам, ели лишайники, выброшенное мясо и другие отбросы, увеличивая тем число желудочных заболеваний. Приостановить это не было никакой возможности.

Немцы всё гуще и гуще опутывали госпиталь проволокой. Ходить на работы из госпиталя перестали, боясь занести тиф: в других лагерях он начал уже свирепствовать.

В нашей палате появились свежие раненые. Они рассказывают о тех боях, в которых им приходилось участвовать. Сначала не понимаешь значения некоторых употребляемых ими слов: «Катюша», «Кукурузник» и другие.

Узнали, что «Катюша» – новое оружие конструктора Костикова (если не перепутали). А «Кукурузник» – это известный всем самолет У-2. Мы очень удивлены, что наша авиация не

показывается. Один из раненых рассказывает об «Уменьской яме». Ужасы, которые он изобразил в своем рассказе, значительно превосходят всё до сих пор мною слышанное о лагерях в Бяло-Подляске и в Бресте на аэродроме.

Всё чаще в рассказах раненых слышится имя Жукова. Мы знаем его только по боям на Халхин-Голе. Раненые рассказывают, что, несмотря на все неудачи на фронте, народ еще теснее сплотился вокруг Правительства, что в тылу идет гигантская героическая работа по созданию новых заводов для обеспечения фронта, что доверие народа к Правительству за период этих невзгод только окрепло. Это внушает нам новые надежды. Значит, недолг тот час, когда народ сумеет остановить немцев, разбить их наголову, выгнать со своей территории и прекратить существование фашистского строя.

Находясь далеко, за сотни километров от своих, мы даже по этим, зачастую несвязанным рассказам, чувствуем, какая великая сила пробуждается в нашем народе. Чувствуем, на какие трудности и самопожертвования идут наши отцы, матери, жёны, братья и сёстры. По рассказам об отдельных бойцах, командирах Красной Армии и партизанах видно, что героизм русского народа, известный испокон веков, не пропал – нет, вырос с порой тысячекратной силой. Но в такие минуты, когда слушаешь рассказы о наших новых героях и героинях, сердце охватывает глубокая тоска по родине, хочется быть там вместе со всеми, сражаться за ее независимость. После таких порывов чувствуешь себя еще обездоленной и несчастней. Возможно, там тебя считают изменником и предателем. В такие мгновения не хочешь спать, и ночь тянется жуткая, длинная, прерываемая только стонами раненых и хрипом умирающих.

Все мои близкие товарищи постепенно устроились на работу (в лагере). Это немного облегчает существование: немного больше хлеба, немного больше супа.

Я принимаю твердое решение во что бы то ни стало вырваться из моей клетки и устроиться работать. Начинаю хлопотать через Леонида. Упрашиваю Шумскую и старшего врача, чтобы они мне разрешили встать с койки. Прошу начать мне делать снова повязки, так как рана на спине еще не закрылась, а процесс заживания будет длиться еще многие месяцы. Я говорю Шумской прямо: «Лежать дальше – это смерть. Пойти работать – это шанс остаться жить».

25-е. Вчера получил наконец разрешение работать. Сегодня мне сделают перевязку, и смогу ходить.

11 часов. Вернулся только что из перевязочной. Принимаюсь за разборку моей клетки. Сильно устал и ложусь на койку. Меня ничто теперь не стесняет: вся палата перед моим взором. Я чувствую, что я в своей клетке немного одичал, так как иногда даже забываю необходимые мне слова.

Помогаю Леониду в составлении списков (пишу медленно, чтобы было четко и аккуратно написано, правая рука почти не работает). Он мне приносит взамен кое-что поесть. Иногда это кусочек хлеба, иногда это немного супа. Всё же легче.

Близится 7-е ноября. С нетерпением ждем его. Надеемся, что наши отметят этот день каким-нибудь мощным ударом по немцам.

5-е. Вчера был в штабе лазарета у Федюнина. Он тоже москвич. Он мне сказал, что 7-го могу приступить к работе в 5-м корпусе в качестве переводчика.

Сегодня был у старшего врача корпуса Степана Михайловича Жиглинского (он из Смоленска). Жиглинский произвел на меня приятное впечатление, ему я, видимо, тоже понравился. Познакомился с Петром Федоровичем Ушаковым. Добродушный здоровенный мужчина, но строгий на службе. Большой любитель шахмат, кандидат в мастера. Кажется, тоже смоленский. Знакомлюсь с другими врачами: Забелиным, Хмыровым, Потапенко. Начхоз полковник Н. и его заместитель мне не понравились с первого взгляда.

Появились новые надежды. Жизнь приняла новый, хотя и незначительный смысл. Появилась возможность дальше бороться за свое существование.

7-е ноября. Праздничное настроение, несмотря на всю окружающую обстановку. Пришел Мих. Кузнецов, чтобы поздравить с праздником и отвести на кухню к «Николаю» Волкову. Собираюсь, беру большую банку литров на 20 из-под смальца. Идем.

Волков неуверенно улыбается, когда я ему протягиваю руку и поздравляю с праздником. Он чувствует себя неловко и как-то виновато, Кузнецов проталкивает меня к котлу (я тут в первый раз, а он знает все ходы и выходы). Подталкивает меня и говорит: «На команду из шести человек – уборщики двора». Мне наливают полбанки. С трудом, отдыхая через каждые 50–60 метров, но довольный возвращаюсь в палату. Себе оставляю плоский котелок супа и несколько довольно больших кусков конины. Остальное делю между товарищами по палате.

После обеда за мной приходит фельдшер из 5-го корпуса. Я собираю вещи, прощаюсь с товарищами (в том числе с Володей Фурсовым) и врачами. Жалко расставаться с людьми, с которыми жил долгие и тяжелые месяцы. Начинается иная жизнь.

5-й корпус

Я переведен пока еще на положении больного, так как начхоз не удовлетворен присланной из штаба запиской. По распоряжению Жиглинского меня положили в офицерскую палату. Там лежат два майора, один капитан и военный врач Ростамишвили.

Вечером у меня сильный приступ рвоты.

8-е ноября. Сегодня весь день прошел более или менее нормально. В персонал меня еще не провели, так как начхоз отговаривается тем, что такой должности – переводчик – в корпусе не имеется. Через Жиглинского посылаю запрос в штаб. Вечером снова рвота. Посоветовался со Степаном Михайловичем. Он говорит, что, по всей вероятности, я чего-нибудь переел – теперь голодная рвота. Нужно и без того скудную пищу принимать маленькими порциями и растягивать на несколько раз. Пробую последовать совету Жиглинского, но к вечеру снова рвота.

В душе ругаю себя за проявленную невыдержанность. Было очень неблагоприятно и рискованно после продолжительной голодовки съесть больше полкило конины. На несколько дней выхожу из строя.

10-е ноября. В госпитале вспыхнул тиф. На госпиталь и, в особенности на наш корпус, наложили карантин. Немцы ушли из госпиталя. В моей работе как переводчика не было уже надобности. Жиглинский настаивал в штабе на утверждении меня в должности санитаря.

15-го ноября пришло из штаба утверждение. Меня переводят в комнату санитаров. Это дает право на получение добавочного пайка. Получаю должность уборщика в комнатах врачей. Они живут на втором этаже и занимают шесть комнат. К этому относилась уборная, которая беспрерывно текла.

Сама по себе эта работа не представляет трудностей. Но для меня, уже сильно ослабшего, она была очень тяжела. Каждый раз, поднимаясь по лестнице на второй этаж, я был вынужден держаться обеими руками за перила и по нескольку раз отдыхать. Раненая правая рука затрудняла работу. Все движения были медленными. Здоровый человек такую медлительность мог бы объяснить только безграничной ленью. Очень часто из-за своей неловкости становилось обидно: ком подкатывался к горлу, на глазах показывались слёзы. Думалось: неужели я хуже других? Неужели я не могу делать так же быстро, как они? В такие минуты старался работать со здоровыми наравне, так как знал, что они считают меня маскировщиком и лентяем, выбивался из сил, очень быстро появлялась одышка, и должен был совсем прекращать работу.

Очки мои пропали еще в Кобрине. Когда я подметал, то часто на полу оставалась незамеченная мною пыль. И пол выглядел как не выметенный.

Полковник Новиков, начхоз корпуса, при каждой нашей встрече называл меня лентяем и маскировщиком. Он не хотел делать никаких скидок ни на близорукость, ни на ранение, ни на общую слабость. Ему было непонятно, как может быть человек настолько слаб, чтобы походить на сонную муху. Он часто грозил, что добьется от Жиглинского перевода меня в больные. Это означало почти гарантированную смерть. Чтобы Новиков ко мне меньше придирался, в тот момент, когда он проходил мимо, я из кожи вон лез, стараясь работать, как здоровые люди. Работа у врачей гарантировала жизнь, так как я зачастую получал от них то кусок хлеба, то немного супа в котелке. Суп для врачей в тот период был несравнимо лучше нашего. Я был вынужден держаться за эту работу обеими руками.

Тиф распространялся всё шире и шире. У нас в корпусе заболели несколько фельдшеров и врачей. Заболел и доктор Забелин, заболел и доктор Потапенко, очень боявшийся тифа и ограждавший себя всяческими способами от заразы.

В начале декабря и я попал в лапы тифа. Несколько дней до 7-го числа я еще крепился, но потом уже не мог выдерживать и слег. В ночь на восьмое наступил кризис. Температура была

41°. Утром меня отправили в тифозный барак. Снова больной. Конец работе, конец надежде остаться в живых.

Упадническое состояние продолжалось недолго: через два или три дня мой прирожденный оптимизм победил. Я стал уверять себя: «Несмотря ни на что ты должен выжить; борись и не падай духом: это основное». В дальнейшем тиф проходил у меня уже легко. И я стал выходить на улицу погулять.

От одного часового-хорвата мы получили подтверждение разгрома немцев под Москвой. Слухи об этом у нас ходили еще несколько раньше, но не было твердой уверенности. Эта весть вселила в наши сердца новые надежды. Мы говорили друг другу: «Теперь должно начаться, теперь немцы безудержно покатятся назад». С нетерпением мы ждали новых сообщений о победах нашей Красной Армии. Вздыхая, говорили друг другу: «Эх, как там теперь у нас в тылу, на фронте? Посмотреть бы хоть краем глаза – всё спокойнее было бы. Эх, самолет бы нам, пролететь бы над линией фронта, посмотреть, где она проходит».

Но дни проходили за днями, никаких сведений мы не получали. Многие пали духом, потеряли уверенность в нашей победе. Такие люди опускались всё ниже и ниже, теряли человеческое достоинство, становились предателями. Стало опасно особенно много высказываться о своих чувствах к родине и фашистам. Теперь разговаривали только с очень близкими друзьями.

Тиф свирепствовал повсюду. Умерли врач Потапенко, не без основания боявшийся тифа, и профессор Козловский, начальник госпиталя, его душа и всеобщий любимец.

Удалось узнать, что Леонид работает в штабе, а М. П. Тихомиров – регистратор 2-го корпуса. Очень доволен за них. У меня появилась надежда, что они меня смогут отсюда вытянуть и пристроить куда-нибудь на работу.

Приходил Михаил Кузнецов, сказал, что по настоянию товарищей Волков будет мне ежедневно через него, Кузнецова, передавать котелок с супом. Я был этим очень обрадован и тронут, просил передать товарищам мою глубокую благодарность за заботу обо мне. Еще один, очень большой шанс остаться в живых.

22-го декабря меня переводят в корпус для выздоравливающих. Там военнопленные не только нашего госпиталя, но также из лагеря и рабочих команд.

В этом бараке я впервые узнал о тех ужасах, которые творились в лагере, находившемся на территории Брестского аэродрома.

Я еще раньше слышал о лагерях в Бяло-Подляске, Белостоке, Минске, Умани, Шепетовке. Всюду одна и та же картина: невыносимый голод, издевательства, убийства, эпидемии. Всюду обращались во много-много раз хуже, чем со зверями, старались уничтожить как можно больше. У нас еще было относительно лучше.

К Рождеству получил от Кузнецова булку хлеба. За несколько минут мы втроем не оставили от нее ни рожка, ни ножек. Легче жить, когда чувствуешь, что даже в этой ужасной обстановке, где человек человеку волк, есть люди, помнящие и заботящиеся о тебе. Несмотря на поддержку товарищей, слабость почему-то еще увеличивается. Дошел уже до такого состояния, что с трудом могу залезать обратно на нары, приходится ложиться сначала животом, а потом вползая, затягивая поочередно ноги. Ходить могу только держась за стенки или опираясь на палку. Самое мучительное дело – оправляться. Когда сидишь на корточках, обязательно должен за что-нибудь держаться. А выпрямиться без упора нет абсолютно никакой возможности. Для этой цели я ношу всегда при себе палку.

Удалось достать очки: купил за три скрутки табаку. Табак дал мне товарищ, продавший свои болотные сапоги, так как кожаную обувь стали забирать и выдавать деревянные челноки – Holzschuhe.

Состояние стало улучшаться, стал понемногу выходить на улицу подышать свежим воздухом. Раза два видел Леонида, разговаривал с ним, просил устроить меня куда-либо, как только снимут карантин. Он обещал.

Последние числа января. Заходил Калашников. Он теперь начальник сапожной мастерской. Рассказал, что немцы расстреляли девять человек за то, что те срезали у трупов мясо, жарили его, ели сами и продавали. Начиналось трупоедство, что в немецком плену было не единственным случаем.

Павел Рябов

4-го февраля часть выздоровевших с рембазы и с аэродрома отправили на прежние места работы. Эпидемия тифа кончилась. Больных больше не поступало.

5-го февраля. Из среды остальных выбрали украинцев и поместили в отдельный корпус. С какой целью, мы в то время еще не подозревали. В других лагерях такое мероприятие было проведено несколько раньше. Также были отделены узбеки и казахи.

8-го меня рано утром вызвали к проволоке, отделявшей тифозные корпуса от других корпусов. Узнаю Павла Рябова.

Радостно здороваемся: не виделись с момента моего перехода в 5-й корпус. Он сейчас работает помощником начпрода во 2-м корпусе. Говорит, чтобы я был готов завтра с утра перейти во 2-й корпус, где буду работать помощником регистратора, и передал мне записку к начальнику корпуса с приказом штаба перевести меня во 2-й корпус. Это устроил Леонид. Я попрощался с Павлом, так как ему нужно было спешить.

Весь день я просидел как на иголках. Сердце нетерпеливо билось, хотелось поскорее обратно, в среду старых друзей. Во 2-м корпусе были Маховенко, Тихомиров, Рябов и некоторые другие. Моя работа давала мне право свободного хождения из корпуса в корпус, так что я мог видеться с Калашниковым и с другими.

9-го февраля пришел за мной Леонид и, забрав меня, отвел во 2-й корпус. Произошла радостная встреча со старыми друзьями. Меня познакомили со старшим врачом 2-го отделения корпуса Зениным, моим непосредственным начальником. Я должен был работать регистратором в его отделении. Работы было мало. Нужно было сдавать каждое утро строевые записки по отделению и рапорта о смерти. Я еще должен был помогать Тихомирову вести протоколы смертности, заносить в специальную тетрадь. Позднее, когда я уже освоился с работой, Тихомиров свалил на меня всю работу. Первое время, несмотря на старания, я писал очень коряво, так как рука не слушалась и быстро уставала. Часто бывали судороги. Но потом рука начала постепенно разрабатываться.

До позднего вечера играл с Тихомировым в шахматы. Соотношение побед 1:2, 2:3 в его пользу. У нас в госпитале много сильных шахматистов. Решаем устроить шахматный турнир на персональное и командное первенство госпиталя. Наш корпус выставляет целых две команды по четыре человека

1. Тихомиров
2. Маховенко
3. Труфанов.
4. Петров.

Маховенко, Зенин, Труфанов, Симин.

Петров, Цирюльников (врачи).

Я играю на первой доске второй команды. Наши обе команды являются одними из сильнейших. В других командах только игравший на первой доске – хороший шахматист. В розыгрыше персонального первенства я проваливаюсь. Первые две трети турнира я иду на втором месте, но я еще не встречался с сильнейшими своими противниками: Шануренко, Ушаковым и Тихомировым. С Тихомировым и Ушаковым я свел вничью (1:1), но Шануренко проиграл обе партии. Уже не хватило выдержки, и сказывалось отсутствие серьезной практики и тренировки. Нервная система была слишком расстроена и слаба, чтобы можно было по-настоящему сосредоточиться и проанализировать положение. Не хватило выдержки, и я очень часто делал недопустимые и непростительные ошибки. Проигрыш Шануренко меня вывел окончательно из строя. С последними двумя партнерами я играл очень пассивно, почти не сопротивляясь. Я разделил 5-е и 6-е места.

23 февраля 1942 года

Близились 2-я годовщина РККА. В связи с этой годовщиной ждали больших новостей, ждали переломных событий.

У нас в госпитале шла осторожная подготовка к встрече знаменательного дня. Мало кто знал об этом. Еще меньше об этом разговаривали. Всё делалось молча, чтобы не узнали немцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.